

Империя: исторический тип или современная форма государства?

С. А. Богомолов*

В ходе быстро развивающейся глобализации на рубеже XX–XXI вв. стало очевидным снижение эффективности классической модели национального государства. Этот тип политической организации общества возник в Западной Европе в XVI–XVII вв. в условиях перехода от аграрной к индустриальной экономике и начала формирования глобального разделения труда. Великобритания, Голландия, Франция, Германия и другие европейские национальные государства в Новое время смогли провести успешную колониальную экспансию, сформировав империи в Азии, Африке и Латинской Америке, получив дополнительные ресурсы для развития. При этом национальные государства выступили в роли метрополий, политических центров колониальной периферии. Но на рубеже XIX–XX вв. европейские колониальные империи перестали обеспечивать задачу эксплуатации колоний и после Второй мировой войны были разрушены.

Эффект «заката империй» сформировал вокруг теоретического понятия

империи комплекс негативных и эмоционально насыщенных стереотипов, которые мешали и мешают использованию этого понятия в современном государствоведении. Архаические образы «империи зла», «тюрьмы народов», «коLOSSа на глиняных ногах» не позволяют объективно оценить значение имперских унификационных проектов, определить его позитивное и негативное влияние на развитие различных социальных и политических общностей. В рационально-либеральной системе ценностей, начиная с Ш.-Л. Монтескье и заканчивая Ф. Фукуямой, империя представляется как «конечный феномен», как «символ репрессивной и недемократической политической организации», которая сочетает деспотическую внутреннюю и агрессивную внешнюю политику. Все подобные государства априори определялись как «империи зла», противостоящие «свободному миру» и блокирующие любые варианты развития локальной самобытности¹.

Формирование во второй половине XX в. постиндустриальной информационной экономики привело не только к распаду западных колониальных им-

* Богомолов Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Ульяновского государственного университета.

¹ Новая имперская история постсоветского пространства. Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова и др. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 7–11.

перий, но и к кризису национальных государств. В итоге в конце XX в. сформировался «новый национализм», как доминирующая конструктивистская исследовательская парадигма, в рамках которой началась критика легитимности и самоочевидности принципа «национального государства». В конструктивистских теориях нация рассматривается не как «онтологически существующая политическая и социальная реальность», а как «система практик, определяющая ее восприятие»².

Такая нация, как сознательно формируемая интеллектуальной элитой конструкция, не может восприниматься как объективная и самодостаточная основа государственно-политической системы. В условиях роста глобальной взаимозависимости и взаимодействия национальные государства начали терять способность эффективного контроля транснациональных потоков информации, материальных и финансовых ресурсов. Обратной стороной глобализации стала дестабилизация «вестфальской системы» международных отношений, основанной на взаимодействии национальных государств. В условиях формирования универсальной культуры, основанной на стандартах западной цивилизации, практически все незападные этнические общности в той или иной степени продемонстрировали реакцию отторжения чуждых политических и правовых моделей. Это проявилось в разнообразных регионалистских, сепаратистских и антиглобалистских движениях, в «парадах суверенитетов» и т. д. Незападные этносы оказались не в состоянии организовать национальные

² *Brubaker R. Nationalism Reframed. Cambridge: Cambridge University Press, 1996; Андерсон Б. Воображаемые общества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001.*

государства западного типа на своей территории. Это вызвало неуправляемые процес-сы дробления неэффективных государств, появление многочисленных «несостоявшихся» и «непризнанных» псевдогосударств, хаос вооруженных конфликтов, активизацию транснациональной преступности и неконтролируемых миграций.

Представляется очевидным, что в «постнациональном» мире необходима кардинальная ревизия категориального аппарата и, в частности, введение в него «донациональной» категории империи. С одной стороны, имперское государство не следует рассматривать как архаический исторический тип государства, не имеющий перспектив реализации в современном мире. С другой стороны, империя в ее конкретных исторических вариантах также не может воспроизводиться в качестве современной формы государства. В разработке современной теории империи «исторический тип» и «современная форма» представляются полярно противоположными методологическими парадигмами, между которыми необходимо искать «золотую середину».

Закономерным итогом нарастающего в мировой политике и экономике хаоса стало появление в западной литературе «духа полуностаглической реабилитации империй». Так, по мнению профессора Оксфордского университета Н. Фергюссона, Великобритания стала первой сверхдержавой в истории человечества, которая «внедряла свободный рынок, правовые принципы, законодательную защиту прав инвесторов и в целом относительно неподкупные формы правления на j части мира»³. Британский историк подчеркивает конструктивную роль Великобритании в ликвидации локаль-

³ *Fergusson N. Empire. How Britain Made the Modern World / N. Fergusson. L.: Allen Lane, 2003. P. XX.*

ных войн, эпидемий, работоторговли и наиболее негуманных обычаев в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Имперское управление становилось гарантом и глобальной безопасностью, и стабильности ситуации в отдельных периферийных регионах в условиях кризиса «падающих государств». Он считает сущностью британской имперской политики в колониях не эксплуатацию сырьевых ресурсов, а технологическую модернизацию, создание экономической и социальной инфраструктуры, то есть строительство железных дорог, телеграфных линий, ирригационных систем. Британская империя доказала свою эффективность в качестве формы наднационального правительства и механизма «англобализации»⁴.

Другой исследователь из Оксфорда, Д. Кэннадайн обращает внимание на то, что Британская империя была ареной не столько конфликтов, сколько сотрудничества метрополии и колониальной периферии. Имперская бюрократия метрополии расходовала значительное количество сил и ресурсов на рекрутирование и обучение местных элит, с помощью которых осуществляла косвенное управление труднодоступными регионами на других континентах⁵.

И Н. Фергюссон, и Д. Кэннадайн сместились в другую крайность, начав апологетику имперских государств, игнорируя все негативные явления в их истории. Более объективную позицию занимает профессор Колумбийского университета А. Мотыль. Он подчеркивает отсутствие качественного различия между имперскими и неимперскими государствами. Как империи, так и другие типы государств могут быть многонациональными, но

при этом – политически централизованными и расширяющими свою территорию. А. Мотыль считает более важным различать империи, как формы государственно-политических систем, и империализм, как теорию и практику внешней военной экспансии, которую могут осуществлять и неимперские государства. Для него империя – это «иерархически организованная политическая система... внутри этой системы элита ядра и созданное ею государство доминируют над периферийными элитами и обществами, выступая в роли посредников в их важнейших взаимодействиях и управляя ресурсными потоками от периферии к ядру и обратно»⁶.

Более точно определить сущность имперского государства можно через установление различий организации и режима выполнения управленческих функций доминирующей элиты центрального ядра (метрополии) и подчиненных элит периферии (колоний). Элита центра принимает и выполняет стратегические решения в области внешней и военной политики, формирования и использования вооруженных сил, охраны границ, определяет стратегию государственного экономического, политического и культурно-идеологического развития, принципы сбора, распределения и использования ресурсов. Кроме того, центр определяет основные направления развития законодательства и всей правовой системы, коммуникаций и институтов сбора, распределения и использования информации. Периферийные элиты выполняют вспомогательные управленческие функции, выполняя решения центра и осуществляя на местах сбор налогов и набор солдат, поддер-

⁴ Ibid. P. 363–364.

⁵ Cannadine D. *Ornamentalism. How the British Saw Their Empire* / D. Cannadine. Oxford: Oxford University Press, 2001.

⁶ Мотыль А. Пути империй. Упадок, крах и возрождение имперских государств / А. Мотыль. М.: Московская школа политических исследований, 2004. С. 13.

живая правопорядок и функционирование имперских коммуникаций.

Мотыль определяет форму имперских государств как «несовершенное колесо» с осевой структурой коммуникаций, в которой центр является главным посредником во всех контактах между различными сегментами периферии. Так, Британская империя – это «центральная зона и лучеобразно расходящийся от нее веер провинций», в которой «политические консультации, военное сотрудничество и совместное обеспечение безопасности, связывающие различные составляющие периферии, могут иметь место только (или по большей части) благодаря инициативе и руководству ядра»⁷.

Ш.Н. Эйзенштадт определяет империи на основании категории политической системы, которую он в духе М. Вебера определяет как «организацию общества, занимающего определенную территорию, которая обладает легитимной монополией на официальное использование и регуляцию силы»⁸. Он определяет главную особенность имперской политической системы, как высокую степень централизации системы государственного управления, которая выражается в создании иерархической системы институтов на всех управленческих уровнях и на всей территории данного государства. Имперский характер политического центра проявляется в авторитарно-силовом характере режима функционирования государственных органов. Социальная стратификация совмещается с политической, и таким образом все социальные функции во всех стратах определяются на основании возможностей доступа к имперскому центру власти.

⁷ Мотыль А. Указ. соч. С. 35.

⁸ Эйзенштадт Ш. О цивилизационных принципах в патримониальных, имперских и имперско-феодалных режимах // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 157.

Сущность и главная цель имперского государственного строительства – это экспансия, то есть силовой захват центром (метрополией) периферийных территорий (колоний). Включение в империю новых территорий разрушает традиционные (аскриптивные) локально-территориальные связи, повышает для населения этих территорий степень вертикальной и горизонтальной социальной мобильности, создает для предприимчивых кадров новые возможности профессионального роста и обогащения на имперской службе⁹.

Сущность имперского государственного управления после завершения экспансионистской деятельности и оформления имперской государственно-политической системы – это силовой контроль центром периферии. Имперская военизированная бюрократия, размещенная в метрополии, формирует иерархическую систему государственных органов и политический режим дискриминации подчиненных групп населения периферии в отношении доступа к материальным и социальным ресурсам, а также гражданско-правового статуса. Повышение уровня легитимности и ответственности правителя (императора) позволяет ему повысить уровень авторитарности государственной власти и, в частности, ограничить степень автономности других участников политической жизни, то есть его подданных. В соответствии с понижением уровня автономности политических акторов и обратно пропорционально ему увеличивается степень консолидации имперской политической системы. Все политические акторы выражают такую консолидацию в подчинении принципу лояльности центральной власти императора.

При этом сокращается степень дифференциации политической ак-

⁹ Эйзенштадт Ш. Указ. соч. С. 162.

тивности и ролей, политической и неполитической деятельности, высшей управленческой и низшей исполнительно-административной функций. Таким образом, высшая сфера политической борьбы и принятия политических решений отделяется от низшей сферы технического выполнения этих решений. Переход от патримониальной к бюрократической империи означает профессионализацию и организационную автономизацию управленческого аппарата от общества в целом. Если патримониальная управленческая элита формируется по критериям родственной или региональной (земляческой) общности, то для бюрократии главными являются критерии лояльности руководству и эффективности.

Эйзенштадт определяет центр империи (метрополию) как автономную организационную и символическую единицу, которая мобилизует в своих целях ресурсы периферии (колоний). С этой целью центр формирует механизм сбора, накопления и распределения ресурсов. Основной функцией имперского центра после завершения периода активной экспансии является поддержание мира и порядка в империи любыми, в том числе силовыми средствами, через так называемое «принуждение к миру». Особенностью государственного управления в империях на любой фазе их развития является повышенная степень конфликтности, которая возникает из-за высокой степени дифференциации имперской территории. Региональные, этнические, профессиональные и другие группы изначально имеют и никогда до конца не утрачивают локальных основ своей территориальной идентичности. Поэтому политика имперской унификации центра неизбежно вступает в противоречие с политикой сегрегации и автономизации локальных геополитических и этнокультурных общностей. Крайней формой такой автономизации является

национально-освободительное движение и сепаратизм в колониях в стадии распада империи¹⁰.

В отличие от Ш.Н. Айзенштадта, С.И. Каспэ в качестве основы своей методологии использует концепцию социальной системы Т. Парсонса, как интернализированной и институционализированной системы нормативных предписаний. В отношении к политической системе и к государству в целом социальная система играет роль генетического кода, являясь «комплексом культурных, религиозных, ментальных, психологических и иных предпосылок, которыми непосредственно обусловлено конкретное строение наличного институционно-нормативного порядка политической системы»¹¹.

Методологическая позиция С.И. Каспэ позволяет выделить в системе имперского государственного механизма подсистемы институтов и процессов, различать государственные органы и режим их функционирования. Кроме того, автор отмечает необходимость перехода от синдромных к генетическим определениям империй. Автор справедливо отмечает бессмысленность перечислений практически бесконечного количества признаков множества известных империй. Гораздо большей эвристической ценностью обладают каузальные определения, которые ориентированы на поиск закономерностей жизненного цикла, стадий возникновения, подъема и упадка империй. Для Каспэ империя – это «вариант организации отношений господства – подчинения, связанный с максимальной концентрацией властного потенциала в руках господствующего меньшинства и с жестким давлением, направленным

¹⁰ *Эйзенштадт Ш.* Указ. Соч. С. 180.

¹¹ *Каспэ С.И.* Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика / С.И. Каспэ. М.: РОССПЭН, 2001. С. 9.

против всех групп, так или иначе противостоящих этой концентрации»¹².

С.И. Каспэ предлагает следующую совокупность признаков имперской формы государственности:

анизотропность институтов власти и статусов различных территориальных компонентов (центра и периферии);

сочетание дифференцированной этнокультурной структуры населения и гомогенного экономического, политического и социального пространства;

харизматический характер легитимации власти правящей личности (императора) или группы (элиты);

авторитарный характер политического режима;

монополизированный характер принятия и контроля исполнения решений;

универсалистский характер политической практики правящей личности/элиты;

экономические, социальные, политические, идеологические и культурные нормы, которые формируются имперским центром в рамках сакральной или секулярной идеологической традиции;

территориальная экспансия как основной способ развития ресурсной базы;

имперская идеология, основанная на представлениях доминирующей этнокультурной общности, «народа – строителя империи» о своей имперской миссии, то есть о долге создания и сохранения империи перед всем человечеством¹³.

«Пусковой механизм» имперской экспансии – это способность харизматического сакрализованного правителя (императора) и подчиненной ему элиты (бюрократии) к распространению своего варианта универсалистской модели

государства на дифференцированном физическом, политическом и культурном пространствах. Начало строительства империи – это формирование «имперской идеи», то есть инновационной концепции организации и развития иерархической группы социумов, использующих принципиально новую экономическую модель и ресурсную базу.

Одним из главных признаков любой империи является цикличность ее существования, которая обусловлена естественными ограничениями процессов имперской экспансии и модернизации. Рано или поздно нация или другая политическая общность, выступающая в роли «строителя империи», сталкивается с соседями, которые обладают высоким потенциалом сопротивления и/или имеют аналогичные экспансионистские амбиции. В результате этого имперская экспансия вызывает серию непрерывных войн, которые приводят к чрезмерным затратам материальных и человеческих ресурсов. Кроме того, следует учитывать, что имперская периферия обычно формируется на территориях с принципиально иными природно-климатическими условиями, на которых крайне затруднена активность представителей метрополии. Население периферии, как правило, обладает иными нормативно-ценностными матрицами, а это затрудняет как процессы ассимиляции, так и элементарное взаимопонимание колонизаторов и колонизируемых. Рост степени социокультурной дифференциации империи увеличивает количество политических акторов, которые превращаются в новые источники влияния и увеличивают степень дезинтеграции и дестабилизации империи.

В постоянных кризисных условиях, как правило, имперская элита не в состоянии изменить «имперскую идею», как изначально принятую модель

¹² Каспэ С.И. Указ соч. С. 11.

¹³ Каспэ С.И. Империи: генезис, структура, функции // Полис. 1997. № 5. С. 31–48.

строительства империи, и ориентируется на захват территорий с однотипными ресурсами, которые можно эксплуатировать по уже отработанным схемам. Таким образом, имперская экономика садится на ресурсный «допинг», и такое имперское государство уже не может обходиться без внешней ресурсной «подпитки». В империях исчезают политические стимулы к переходу на интенсивную модель развития. В условиях постоянных войн и внешнеполитических кризисов имперские государства не имеют времени и инвестиционных ресурсов для смены технологической базы экономики.

В «восходящей фазе» развития империи идет ее постоянное территориальное расширение. В формирующемся едином имперском экономическом пространстве создается механизм неэквивалентного обмена, с помощью которого метрополия эксплуатирует ресурсы колониальной периферии. Количественное увеличение ресурсной базы компенсирует все затраты на войны и репрессии при подавлении сопротивления населения имперской периферии. Приток внешних ресурсов позволяет правящей элите вести экспансию без учета издержек, отказываясь от стратегии минимакса, то есть от сопоставления поставленных целей и необходимых для их достижения ресурсов. Поэтому форма имперских государств с момента своего возникновения неизбежно приобретает авторитарный характер. Но эта авторитарность не абсолютна, так как имперская бюрократия в состоянии руководить высокодифференцированной колониальной периферией и пограничными территориями (фронтиром) в условиях постоянных конфликтов с соседями-конкурентами только при условии сотрудничества с местными элитами. Это требует превратить подчиненные элиты в буфер и посредник между имперской бюрократией центра

и населением периферии. Каспэ считает, что «унификация властного пространства империи ограничена неустраняемым наличием традиционных периферийных элит»¹⁴.

Таким образом, централизованный характер управления империями становится структурной причиной ограниченности потенциала их развития. А. Мотыль описывает жизненный цикл имперского государства с помощью «параболы Таагеперы» (названной по имени автора – С. Б.) как последовательную смену стадий подъема, становления и деградации. Подъем империи означает ее территориальное расширение и соответствующее увеличение объема управленческих функций. Это влечет за собой увеличение объема информации о состоянии дел на периферии, которая собирается и обрабатывается в центре. При этом увеличивается зависимость эффективности управления периферией от способности центральной имперской бюрократии своевременно получать точную и полную информацию о положении дел и потребностях имперской периферии. Следовательно, неизбежен момент, когда при постоянном и неизбежном территориальном расширении имперская бюрократия уже не сможет оперативно обрабатывать и адекватно реагировать на запросы местных элит. Информационная перегрузка центра станет причиной роста неэффективности управления имперской системой обмена ресурсами. Вследствие этого неизбежно возникнет и будет увеличиваться дефицит ресурсов, находящихся в распоряжении центра – при параллельном нарастании потребности в таких ресурсах. Результатом этого станет рост центробежных тенденций, развитие сепаратистских (националь-

¹⁴ Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. С. 53–54.

но-освободительных) движений и закономерный распад империи¹⁵.

Периферийные элиты включаются в общеимперскую систему коммуникаций и ценностей, занимают определенное место в имперском механизме распределения ресурсов и получают определенную долю этих ресурсов. Эти элиты транслируют властные импульсы центра на периферии, переводя их на местные языки интеракции. Таким образом, они создают механизм унификации имперского экономического, политического и культурно-идеологического пространства на периферии. Эффективность имперского управления можно обеспечить, только если выявить или сознательно сформировать подобные союзные элиты в ключевых военно-стратегических зонах, стабильность которых имеет решающее значение для обеспечения безопасности империи в целом. Механизмом формирования общеимперской совокупности периферийных элит является общеимперская система институтов государственного управления, правосудия, образования, финансов, политической и общекультурной символики. Имперская идеология и система ценностей распространяется через «символический капитал» (П. Бурдьё), то есть через систему общегосударственной символики, исторических памятников, почетных званий и наград.

В управлении государством имперского типа центр всегда вынужден балансировать между полюсами чрезмерного усиления/ослабления периферийных элит. Если предоставить местным лидерам избыточные управленческие полномочия и ресурсы, то у них неизбежно возникнет соблазн выйти из-под контроля центра и создать суверенные политические образования. Если же местным лидерам предоставить недостаточные полномочия и ре-

сурсы, то у них не будет возможности подавить деятельность контрэлит, и это, в свою очередь, приведет к дестабилизации колониальной периферии. Имперская элита может обеспечить стабильность, только если займет позицию беспристрастного арбитра. Это предполагает установление общеимперских институциональных и нормативных рамок взаимодействия («правил игры»), блокирование наиболее деструктивных конфликтов между местными элитами, которые могут привести к их взаимному уничтожению. Общеимперские правила должны также регулировать отношения между местными элитами и подчиненным населением. Таким образом, имперская элита сможет выполнить свою модернизационную функцию, устранить наиболее архаичные («варварские») пережитки в экономической, политической и социальной сферах, установить оптимальный уровень эксплуатации населения в колониях¹⁶.

При этом следует осторожнее использовать термин «империя» для обозначения претендентов на эту роль в современном мире. Так, Н. Фергюссон, позитивно оценивая достижения Британской империи, весьма критически относится к «новому империализму» США, который активизировался после терактов 11 сентября 2001 г. Если Великобритания в своих колониях блокировала локальные войны, успешно боролась с природными бедствиями и эпидемиями, создавала институты демократии и гражданского общества, то США, проводя свои «военно-гуманитарные операции» против «падающих государств» Ирака и Афганистана, достигли полной неуправляемости этих регионов. Автор полагает, что США заявили о своих претензиях на мировую гегемонию, но им попросту не хватило материальных и человеческих

¹⁵ Мотыль А. Указ. соч. С. 86–87.

¹⁶ Каснэ С.И. Указ соч. С. 55–60.

ресурсов для выполнения имперской миссии.

В современных условиях дестабилизации системы межгосударственных отношений постоянно растет привлекательность империй как государств, которые объединяли ресурсы континентального масштаба, контролировали трансокеанские коммуникации, определяли правила игры в мировой политике и экономике, могли ставить и решать задачи «вселенского» уровня. Но при этом не следует забывать об обязательном условии начала империогенеза – о способности определенной национальной элиты сформулировать «имперскую идею», то есть принципиально новую модель развития, которая

позволит подчинить соседние народы. Нужно помнить и о «цене вопроса»: выгоды от захвата ресурсов соседей сопровождаются ответственностью за поддержание порядка и стабильности. В «нисходящей фазе» развития империи затраты на удержание периферии, как правило, превышают получаемые доходы. Представляется практически невозможным механическое восстановление в «классическом виде» Британской, Российской или какой-либо другой ранее существовавшей империи. Но идеологические табу или стереотипы не должны мешать использованию имперских политических технологий в тех ситуациях, где они ранее уже доказали свою эффективность.

